

Большое тренировочное поле севера города

С наступлением ночи на плацу выстроилось пятидесятитысячное войско.

Весть об этом мгновенно разнеслась по столице. Горожане попрятались по домам, носа на улицу не казали, а иноземные послы и вовсе замерли в ужасе. Неужели их решили окружить и вырезать до единого?

Но Цзи Яо не был глупцом. В нынешней игре проливать кровь — удел слабых; куда тоньше и надёжнее — сокрушить чужую волю. Если послов убить, то кто же вернётся на родину и поведает о величии империи?

Император Ци издалека наблюдал за Цзи Яо. Лишь сейчас, когда дневная суматоха в тронном зале улеглась, правитель до конца осознал: его сын вырос. Он превратился в того, на кого можно опереться, в лидера, способного одним своим видом вселить покой в сердца людей.

— Фушоу, императорские указы уже расклеили?

— Отвечая на вопрос Вашего Величества, — поклонился евнух, — всё исполнено. Но близится час ночной стражи, улицы пусты. Пожалуй, кроме ночных сторожей, указ никто не увидит до самого рассвета.

В государстве Ци жили по законам солнца: трудиться начинали с первыми лучами, а отдыхать ложились на закате. Впрочем, крестьяне и ремесленники поднимались ещё затемно.

Решение расклеить указы о предстоящем военном смотре по всем закоулкам столицы далось Цзи Яо нелегко, но это была крайняя, вынужденная мера. И среди придворных, и среди простых зевак рыскали вражеские шпионы. Прознай они о готовящемся заранее, непременно устроили бы саботаж. Пусть уж лучше сейчас все думают, будто армию стягивают для немедленной войны. Завтра, когда пыль уляжется, страх уступит место ликованию.

— Отец, — Цзи Яо посмотрел на императора решительным взглядом. — Ваш выход.

— Слыхал, Фушоу? — усмехнулся правитель, качнув головой. — Вырос малец. Уже собственным отцом помыкает.

Старый управляющий, прекрасно понимая, что император лишь добродушно поддразнивает сына, почтительно склонился:

— У истинного дракона и рождается тигр, Ваше Величество.

— Сын не смеет заходить так далеко. Прошу вас, отец, — Цзи Яо смиренно сложил ладони в

приветственном жесте, а про себя хмыкнул. Кому-кому, а старому евнуху в искусстве лести равных не сыскать. «Тигр от дракона»? Это ж надо было так завернуть!

В рядах солдат пробежал удивлённый шёпот:

— Неужели сам Государь прибыл?!

— Не может быть! Его Величество лично приехал на плац!

Цзи Яо едва заметным жестом приказал гвардейцам усилить охрану правителя.

— Да здравствует император! Десять тысяч лет жизни Вашему Величеству! — громом разнеслось над полем.

Император Ци окинул взором бескрайнее живое море в доспехах. Он уже собирался велеть воинам подняться с колен, но Цзи Яо шагнул вперёд и почтительно склонил голову:

— Отец, прежде чем вы обратитесь к ним, позвольте мне сказать несколько слов.

— Что-то не так? — удивился император.

— Их приветствие. Так негоже. Воинам подобает отдавать воинскую честь.

— Воинскую честь?

Цзи Яо повернулся к войскам. Привычки, въевшиеся под кожу за годы службы, изжить за пару недель невозможно, но попытаться стоило.

Он поднёс к губам простой рупор. В ночной тишине его голос, летящий с высоты помоста, зазвучал набатом:

— Почти месяц изнурительных тренировок — и это всё, на что вы способны?! Если мы не покажем всему миру истинную силу и гордость армии Ци, то ради чего вы проливали пот все эти дни?

Он посмотрел остро, как лезвие клинка:

— Слушай мою команду!

За последние недели эти слова выжглись в сознании каждого солдата. Они среагировали

быстрее, чем успела сработать мысль: выпрямились, вскинули подбородки и выпятили грудь.

— Вольно! Смирно! Равнение направо! Равнение на середину!

Слитный, оглушительный грохот сапог разорвал ночную тишину. С высоты крепостной стены казалось, будто ровные, геометрически безупречные чёрные квадраты человеческих масс плавно сместились по единому велению невидимого кукловода.

— К встрече справа... смирно!

В колеблющемся свете тысяч факелов пятидесятитысячное войско как один человек вскинуло руки в воинском приветствии.

— Помните! — прогремел Цзи Яо. — На коленях стоят рабы, а воины великой Ци не склоняются ни перед кем! Наш удел — стоять насмерть! Верность престолу, гибель врагам!

Многотысячная лавина голосов отозвалась яростным рёвом:

— Верность престолу! Гибель врагам! Верность престолу! Гибель врагам!

Оглушительный крик тысяч глоток слился для императора в сплошной гул. Потрясённый до глубины души, он не мог отвести взгляда от Цзи Яо.

Где-то там, за пределами его родительской заботы, этот мальчик вырос в могучее древо. Сын, к которому он годами боялся приблизиться, теперь расправлял крылья, готовый взмыть в небеса истинным драконом.

— Простите мне мою дерзость, отец, — Цзи Яо склонился перед ним. — Я изменил воинский устав без вашего соизволения.

— Дерзость? — Император Ци прищурился, глядя на него сверху вниз. — Что-то по твоему лицу не видно, чтобы ты раскаивался.

У Цзи Яо внутри всё похолодело. Неужели перегнул палку?

— Сын уверен, что именно такое приветствие способно явить мощь и гордость нашего воинства. Но коль скоро я пренебрёг обычаем и не спросил дозволения заранее — готов понести любую кару.

— Наказать тебя действительно стоит, — протянул император, и сердце Цзи Яо пропустило удар. Но в следующий миг тяжёлая рука отца мягко легла на его плечо: — Завтра, во время

военного смотра, поедешь верхом впереди моей колесницы. Будешь вести войско.

Цзи Яо едва сдержался, чтобы не выдохнуть от изумления. Тоже мне, наказание!

— Слушаюсь, отец.

— Завтра может разыгаться буря, Яньсин. Будь осторожен.

Цзи Яо почувствовал лёгкую растерянность.

«Яньсин, ну и горазд же твой отец загадки загадывать. Без острого ума и не разберёшься, что у него на уме».

Пустить его впереди императорского кортежа верхом — это же прямая демонстрация всему честному люду и притаившимся заговорщикам: «Глядите, вот мой седьмой сын, он лучший из лучших, и именно ему я передам престол!»

Они ведь годами разыгрывали взаимную холодность, чтобы уберечь принца от завистников. Что вообще происходит в последнее время?

Будь Яньсин здесь, он бы наверняка усмехнулся: «А чего ты хотел? Сам виноват, нечего было так усердно геройствовать».

Цзи Яо вместе с генералами Чжан Цзяном и Пан Дэ заранее проработал планы на все случаи жизни — от «А» до «Я», но решающий исход зависел только от завтрашнего дня.

— Воины великой Ци! — зычно провозгласил император, выходя к краю помоста. — Завтра у нас не будет права на ошибку, не будет времени для долгих репетиций. Но с первыми лучами солнца вы явите миру несокрушимую мощь нашей империи! На вас будут смотреть ваши матери, жёны и дети, на вас будут смотреть чужеземные послы! Я спрошу лишь раз: готовы ли вы?!

— Готовы! Готовы! Верность престолу, гибель врагам! — взревел плац, содрагаясь от топота кованых сапог.

Цзи Яо понимал: его план сработал без сучка и задоринки.

В этот суровый век ничто не способно так зажечь сердца простых солдат, как личное благословение государя.

Теперь оставалось лишь ждать рассвета. Но мысли Цзи Яо были заняты иным.

Солнце взойдёт на востоке, и свет его разгонит любую тьму.

— О, сосед, чего ни свет ни заря поднялся? Завтракал уже?

— Да где там, хозяйка у печи возится. Послушай, ты слышал ночной грохот со стороны плаца? А на перекрёстке у рынка, говорят, дорогу перекрыли с самого утра. К чему бы это?

— Да как не слышать, у меня окна до сих пор дрожат! Уж не война ли за порогом?

— Глядите, указ свежий на столбе! Эй, грамотеи, ну-ка почитайте, что там пишут?

— Пишут... в честь юбилея династии и прибытия послов... Сегодня на улице Вечного Покоя состоится военный смотр!

— Смотр? Это как?

— Ну, стало быть, соберут всех служивых в ряд, а Государь на них смотреть будет.

Пока горожане судачили, мимо них мерным шагом пронеслась колонна солдат.

Тяжёлые железные доспехи весили не меньше пуда, бежать в таких — сущая пытка, но воины держали строй идеально. Шедший во главе командир зычно выкрикивал ритм:

— Левой, левой! Раз, два, три, четыре!

— Раз, два, три, четыре! — дружно отзывался строй.

— Батюшки мои, видано ли такое?

— Как один человек бегут! Нога в ногу, плечом к плечу.

— Гляди-ка, а в той шеренге не племянник ли мой, Эрню? Сестра всё убивалась, что этот оболтус никогда себе невесту не найдёт, а теперь посмотри на него — орёл!

— Соседи, а что стряслось-то? Чего столпились?

— Да смотр военный, говорят! Сами стоим, диву даёмся.

Колонны солдат продолжали маршировать мимо, а солнце тем временем поднималось всё

выше. На улицу начали несмело выползать молодые девушки и молодухи.

— Ой, глянь, никак сынок мясника Чжана идет?

— Точно он! А рядом — сын старого Ли, я его сразу узнала!

— Ишь ты, покраснелась как! Не к нему ли тебя сваха сосватать грозила? Ну что, любя ухажёр-то?

Девушка лишь стыдливо опустила глаза, теребя край платка:

— Вечно вы, сестрица, шуточки шутите...

Но она выдавала себя сияющим взглядом.

Зал Провозглашения Управления

Утреннее собрание началось в тревожной атмосфере.

— Слышали ли почтенные господа ночной переполох? — перешёптывались придворные, испуганно переглядываясь.

— Ваше Величество, не случилось ли в столице беды? — наконец решился спросить один из министров.

— Никакой беды, — император Ци выглядел на удивление бодрым и посвежевшим. — Напротив, дела идут как нельзя лучше. Иноземные гости прибыли в самый подходящий час. В честь шестидесятилетия нашей державы я приглашаю всех разделить со мной радость военного смотра.

— Смотра? Так ночной шум...

— Это маршировала наша армия.

Император повернулся к управляющему:

— Фушоу, вели подавать колесницы. Отправляемся к Вратам Вечного Покоя. Пусть послам подготовят лучшие выезды.

Врата Вечного Покоя высились над главной артерией столицы — оживлённой улицей Вечного

Покоя, рассекавшей город с востока на запад.

Императорские сыновья, не спавшие всю ночь после вчерашних слов отца, явились на площадь одними из первых. Нарядились они ещё пышнее прежнего — каждый пытался превзойти братьев хотя бы парчой узора.

Для простых горожан этот день стал потрясением. Никогда прежде они не видели регулярные войска так близко. Многие матери и отцы с удивлением замечали в рядах оцепления собственных сыновей. Те стояли буквально в шаге от толпы, отделённые лишь натянутой алой лентой, но на оклики и слёзы родных не реагировали, замерев каменными изваяниями. «Неужто хлопцев наших там опоили чем? — шептались в толпе. — Стоят как неживые».

Спустя минуту один из командиров, чеканя шаг, приблизился к оцеплению. Он вскинул руку к виску — этого жеста простые люди прежде никогда не видели. Лишь позже они узнают, что это называлось отданием чести.

Опустив руку, офицер негромко, но твёрдо произнёс:

— Земляки, мы ждём прибытия Государя. По уставу нам говорить не положено. Прошу вас, соблюдайте порядок и не шумите.

С этими словами он чётко развернулся через плечо и вернулся в строй.

Толпа притихла. Кое кто испуганно зажал рот ладонью. «Государь прибудет?» Большинство из них прожили в столице всю жизнь, но никогда не видели императора лицом к лицу. Это благоговейное волнение было сродни тому, что испытывает любой человек перед встречей с живой легендой.

Вдоль всей улицы Вечного Покоя, насколько хватало глаз, тянулись бесконечные шеренги воинов. Каждый держал копьё мёртвой хваткой, устремив взор вперёд.

На восточном плацу уже выстроились двухтысячные штурмовые отряды: лучники с тяжёлыми луками, щитonosцы, копейщики, кавалерия на отборных скакунах и осадные орудия. Всё было готово к началу.

— Братья, вы сегодня на редкость рано, — тихо заметил восьмой принц, Цзи Ян. Выглядел он сегодня заметно лучше обычного.

— Какое там рано, — зевнул пятый принц, Цзи Ин, прикрывая рот ладонью. — Я за последние пять лет так рано не поднимался, честное слово.

— Пятый брат, придержи зевоту, — строго шепнул старший принц, Цзи Чун, на правах старшего. — Кругом чужеземные послы, не срами отца.

Цзи Ин лишь недовольно повёл плечом. Спорить с отцом ему не хотелось, но и стоять на утреннем сквозняке удовольствия не доставляло.

— А где же наш седьмой? — ядовито поинтересовался второй принц, Цзи Юань. — В такой день — и изволит опаздывать?

Будет забавно, если тот пропустит начало. Отец такое пренебрежение точно не спустит на тормозах.

— Второй брат, — лениво отозвался Цзи Ин, — шёл бы ты домой да уделил внимание супруге. Всё больше пользы будет, чем у седьмого ошибки выискивать.

Жена Цзи Юаня происходила из знатного рода, её отец командовал северными гарнизонами. Все при дворе знали, что женился принц исключительно ради связей тестя.

— Цзи Ин! Ах ты... — Цзи Юань побагровел от злости, готовый кинуться на брата с кулаками, но вовремя вспомнил о влиянии матери Пятого принца и сдержался.

Цзи Чун молча придержал второго брата за рукав. Цзи Юань в последнее время действительно слишком зарывался, и лёгкий щелчок по носу от Цзи Ина был ему только на пользу. Отец, хоть и любил сыновей, в гневе пощады не знал.

В этот момент на галерее Врат Вечного Покоя показался император со свитой.

Иноземные послы, глядя на выстроившиеся внизу легионы, недоуменно переглядывались. Обычный военный смотр? Но почему о нём не предупредили заранее? Из-за этой секретности они всю ночь глаз сомкнуть не могли, со страхом прислушиваясь к грохоту железа за окнами посольства.

Каган Аомуга лишь презрительно прищурился. Подумаешь, военный смотр. В степи они тоже собирали тумены, и войско Ци брало разве что числом.

Генерал Пан Дэ сегодня неотлучно следовал за императором, а генерал Чжан Цзян взял на себя руководство торжественной частью. Оба военачальника лично руководили подготовкой солдат, не спали несколько суток подряд и знали каждую мелочь, каждое движение строя.

Ещё несколько дней назад Цзи Яньсин подробно расписал отцу весь ход церемонии. Принц думал, что император лишь бегло ознакомится с бумагами, но государь, как оказалось, заучил план наизусть, разбирая его долгими ночами.

И всё же на душе у Цзи Яо скребли кошки. В этом грандиозном плане не хватало одного, самого важного штриха, который он попросту не успел подготовить — государственного гимна.

Гимн — это душа державы, её гордость и символ её несломленного духа.

Прошлой ночью

— Ваши слова полны мудрости, седьмой принц, но у нас катастрофически мало времени! — канцлер Хун Цю устало потёр переносицу. — Может, отложим это начинание?

Но Цзи Яо не желал мириться с незавершённостью. Он вложил в этот военный смотр слишком много сил, чтобы оставить в нём хоть одну брешь.

Позже, сидя на черепичной крыше под покровом звёздного неба, Цзи Яо крутил в пальцах девятицветный кубок из глазури.

"Яньсин", — негромко позвал он.

"Я здесь, в Китае", — отозвался далёкий, но отчётливый голос.

"Как твои дела?"

"Всё кончено. Чисто", — лаконично ответил Цзи Яньсин.

По этому короткому ответу Цзи Яо понял: его двойник на той стороне исполнил свою часть уговора безупречно.

Цзи Яньсин уловил в голосе собеседника несвойственную ему тревогу:

"А как дела в Ци?"

Цзи Яо горько усмехнулся, глядя на мерцающие грани кубка:

"Яньсин, я снова затеваю опасную игру".

Тот прекрасно знал: если Цзи Яо говорит об опасности, значит, ставка в этой игре — либо величие, либо плаха.

И всё же он ответил без тени сомнения:

"Дерзай".

"Так легко мне доверяешь?"

"Я доверяю тебе, — после короткой паузы отозвался голос из кубка. — К тому же я никогда не сомневаюсь в собственном выборе".

Сомнения Цзи Яо мгновенно рассеялись, уступив место ледяной решимости.

"Наш уговор в силе?" — спросил он.

"В силе".

"Отлично. Только на этот раз тебе придётся прикрыть меня на сцене, — Цзи Яо сделал глубокий вдох, принимая окончательное решение. — Обещаю, я не подведу".

Они не стали вдаваться в детали — в этом не было нужды. Доверие между ними было абсолютным.

Цзи Яо спустился с крыши и немедленно вызвал слугу:

— Дэбао!

— Я здесь, господин. Ночь на дворе, скоро стража закрёт ворота. Самое время ко сну отходить.

Цзи Яо протянул ему тяжёлую нефритовую табличку:

— Держи мой знак. Ступай во дворец и веди сюда всех придворных музыкантов. Немедленно! И канцлера Хун Цю тоже найди.

— Но господин, зачем...

— Некогда объяснять, делай что велено. Если возникнут трудности с караулом, сошлись на управляющего Фушоу. Живо!

— Слушаюсь!

«Яньсин, я сделаю это ради тебя. И ради собственного упрямства».